

Юрий Пирумян

НА ОБРЫВКАХ ЛЕТ И ДНЕЙ
Жизнь Даниэл-бека Пирумяна

Москва, 2013

Неслучайно именно к началу июля 1920 года в армянских войсках появились первые симптомы падения боевого духа.

Дезертирство стало обыденным явлением, а на прочесывание местности в поисках уклонистов командиры могли выделить лишь малочисленные патрули, которые подвергались нападению мусульман в первую очередь. Борьба с дезертирами затруднялась еще и тем, что к ним нельзя было применить крайние меры: официально в стране не было объявлено военное положение. Самое большее, что им грозило, — тюрьма.

Из числа дезертировавших из Мерденекского отряда восемь человек задержаны, преданы полемому суду, осуждены в каторжные работы и в настоящее время находятся в Александрополе». ¹⁹⁴

Оставалось неясным, какая власть — военная или гражданская — должна бороться с дезертирами.

нашелся весьма красноречивый ответ Корганова, который тот написал по-армянски на бланке «Карсский гражданский губернатор» и 7 июля 1920 года послал министру внутренних дел (перевод сотрудников НАА): «По поводу телеграммы генерала Пирумова о дезертирах имею честь сообщить, что и до этого я постоянно применял самые строгие меры в этом деле. За бездеятельность арестовал сельских старшин, родственников дезертиров, послал отдельных чиновников в уезды в целях ареста дезертиров и обязал уездных начальников в каждое воскресенье телеграфно и письменно представлять отчет, сколько дезертиров задержано за неделю. Но я позволяю себе одновременно полагать, что и жалующийся генерал имеет свою обязанность. Я думаю, что если я обязан поймать (задержать) дезертиров, то его превосходительство (то есть Даниэл-бек. — Ю.П.) тоже обязан принимать меры для контролирования и устранения причин побегов призывников. Между прочим, создается очень странное положение: я все время должен следить за дезертирами, задерживать их, а они, свободные от контроля, все время должны бросать свои воинские части. И если до настоящего времени я бы не применял строгих мер, от воинских частей остались бы их тени, и неужели исполнение обязанностей оговорено только мне».¹⁹⁵

Даниэл-бек :
позвонил 21 июля в Ереван, в штаб армии, и доложил

Наши ряды вследствие болезни и дезертирства снова ослабли. Необходимы самые строгие меры для сбора их (дезертиров. — Ю.П.). Города и села переполнены лицами призывного возраста, и никто не обращает на это внимание. Если только правда, что в Эривань прибыли одежда и оружие, тогда мы сами займемся ловлей дезертиров и пополним ряды своих войск.

26 июля Назарбеков доложил министру внутренних дел:

Помощник Военного министра просит Вашего распоряжения о строгой проверке в городах мужского населения призывного возраста, для задержания дезертиров и отправления их в части». ¹⁹⁸

Так что угроза дестабилизации обстановки в области исходила не только от турок и местных мусульман, но и от армянских дезертиров, которые крались по дорогам от села к селу, от города к городу, с оружием, прихваченным с собой при побеге из частей.

Что касается практического аспекта вопроса, то до сегодняшнего дня в воинские части сданы 77 езидов, из коих 30 дезертировали.

полковник Векилов телеграфирует Даниэл-беку в Карс (копии — в Караклис и в Александрополь, начальникам соответствующих гарнизонов):

«В дополнение к № 17 приказа Командующего войсками объявляю к исполнению: первое, утверждение приговора лежит на тех начальниках, распоряжением коих полевые суды учреждены, то есть на начальниках отрядов и гарнизонов. Второе, все дела, включая дознание и объявление приговора, должны быть закончены в течение 24 часов. На принесение жалобы подсудимому дается 24 часа. Жалоба подается начальнику, утверждающему приговор, и им же разбирается, после чего приговор немедленно приводится в исполнение, а в случае неутверждения — направляется старшему, в порядке подчинения, начальнику. Третье, военно-полевые суды учреждаются в Эривани, Дилижане, Игдыре, Новобаязете, Басаргечаре, Кешишкенде и Шарурском отряде. Четвертое, бежавшие после 28 сентября с.г. предаются ближайшему военно-полевому суду начальниками отрядов, гарнизонов и комендантом Эривани по представлениям командиров частей, заведующих сборными пунктами воинских начальников и комендантов этапов.

3 октября 1920 года. № 50».¹⁴

Перспектива оказаться под скорым судом и подвергнуться суровому наказанию вплоть до расстрела должна была охладить головы бойцов, помышлявших об оставлении позиций под Бегли-Ахметом. С другой стороны, командование как бы с пониманием отнеслось к тем военнослужащим, кто до 28 сентября — в первые дни стремительного турецкого наступления не выдержал и ретировался с поля боя, но как бы и предупреждало их, что впредь не будет рассматривать никакие смягчающие обстоятельства для оправдания дезертирства.

Усилились и без того не сведенные окончательно к нулю тенденции к самовольному оставлению позиций и возвращению домой.

И «дезертирство из рядов Армянской армии», которое «приняло широкие размеры»⁵⁹ после 14 октября, кемалистам было только на руку.

Узнал, что в какой бы форт он ни звонил, никто не отвечал. Все бросили свои позиции, орудия и побежали. Бежали группами и солдаты, и хмбапеты со своими всадниками, и жители города. Отчаявшийся генерал отправился в штаб, где были начальник штаба и несколько офицеров, лишившихся своих солдат.

Наоборот, я попытался с несколькими офицерами остановить бегущих солдат, чтобы организовать контратаку. Но как только солдаты продвинулись вперед, так сразу в толпе и растворились.